

ПОЛПУТИ

СТЕПАН

ОНУЦ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Степан Онуц

Полпути

«Автор»

2026

Онуц С.

Полпути / С. Онуц — «Автор», 2026

Жизнь, разобранная на обломки воспоминаний. Уилл приходит в себя в белой комнате посреди бескрайней пустыни. В его памяти есть лишь рваные обрывки прошлого, а при себе – давно утерянные бирюзовый браслет и первая гитара. Единственным ориентиром в этом странном месте становится заброшенный отель. Там его ждёт Карим – лучший друг, которого Уилл не видел три месяца. Но это не долгожданная встреча, а начало жестокого испытания. Карим ведёт Уилла по коридорам отеля, за дверями которых оживают забытые ошибки, обиды и предательства. Чтобы выбраться, Уиллу придётся пройти весь путь, заглянуть в глаза самому себе и ответить на главный вопрос: можно ли стать лучше, когда кажется, что всё уже потеряно?

© Онуц С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Степан Онуц

Полпути

Глава 1

Я лежал в тишине, тьма поглотила всё. В глазах начали мелькать невнятные обрывки событий. Некоторые из них были приятные, некоторые – не очень. В один момент я стоял на сцене, после оказывался в кругу семьи, потом сидел один в комнате, всё так же в назойливой тишине. Всё перемешалось: все ощущения, воспоминания, надежды, горечь – всё смешалось воедино и пролетало в моей голове. Что-то случилось. Вдруг всё пространство вокруг заполнило надоедливый громкий писк, будто прямо в голове трещал кардиомонитор. Вместе с этим мои ноги потеряли опору, я отправился в свободный полёт. Только я почувствовал падение, в тело тут же влилась жизнь. Я пробудился, глаза непроизвольно открылись.

Белоснежный потолок и ослепляющий свет ударили в сетчатку. Сначала я инстинктивно прикрыл лицо рукой, но лучи света продолжали просачиваться сквозь пальцы. Мое тело лежало в неестественном положении, каждая конечность затекла, каждая частичка ныла от невыносимой усталости. С трудом я перевернулся на левый бок, чтобы не терпеть пытку потолочных прожекторов.

И тут началось безумие. У меня была другая наволочка. У меня были другие стены. У моей кровати стояла чужая тумбочка. Моя кровать вообще была гораздо просторнее и не стояла в углу комнаты! Я вскочил и оглянулся. Ничем не примечательная белая комната, кроме единственной детали. На этой тумбочке вместо будильника лежал только бирюзовый браслет, который я из своей жизни вычеркнул, а рядом с ней лежал до боли знакомый чехол. Моя первая гитара. Я схватил его, молния дернулась. Действительно она, вес знакомый, родной. Выглядит как в тот самый день, когда родители мне её подарили. Вот только её я тоже потерял. Что вообще происходит?

Я попытался вспомнить хотя бы что-нибудь, но сознание выдало только обрывки. Память была рваной, будто кто-то вырезал из нее целые куски. Думать было тяжело, сердце колотилось, руки дрожали.

Я встал и начал ходить из стороны в сторону. Я ни черта не помню, нахожусь в какой-то комнате и при мне нет ничего. На стене, около которой стояла кровать, я заметил окно, которое сначала ускользнуло от моего внимания. В панике я его не заметил. Я тут же подбежал и выглянул.

Пустыня. Огромные пески и песчаные холмы, уходящие вдаль. «Пропал.» – подумал я. Что же происходит, какого чёрта здесь происходит!? В ушах зазвенело, мысли запутались. Каждый мой вдох и выдох отражались от стен, тишина начинала давить. Я упал на подоконник и пытался успокоиться минуту, я убеждал себя, что все хорошо, не мог же я просто так оказаться непонятно где. Зачем вообще в пустыне комната? Может, это лишь сон? Сон. Точно сон.

Последняя мысль обнадежила. Я снова выглянул в окно посмотреть на этот удручающий вид. Ничего не изменилось. Тогда я решился выйти и посмотреть, куда меня закинуло. Но перед этим я снова осмотрел комнату, и кое-что меня остановило. Хотел взять хотя бы то, что у меня было, то, что в этом месте мне было знакомым и самым родным. Я подошёл к подозрительной и незнакомой тумбочке, на которой и около которой лежали важные для меня вещи, по какой-то причине оказавшиеся тут... Я перекинул чехол через плечо, как делал это, наверное, тысячи раз, и браслет так же сел на запястье без каких-либо затруднений. Даже спустя столько времени, стоит человеку притронуться к чему-то столько знакомому, привычному и имеющему

для него огромное значение, в движениях не возникает никаких промедлений и задержек, всё происходит машинально и рефлекторно, а на лице невольно возникает еле заметная улыбка...

Когда я развернулся к выходу, на глаза попало небольшое зеркальце, висевшее прямо на двери. Глаза до сих пор были сухие после пробуждения, зрение мутным. Я протёр их кулаками с такой силой, что вокруг замелькали огоньки. В зеркале стоял потрепанный и небритый человек с красноватыми глазами, на лице которого даже сейчас видно бывалую красоту, скрывающуюся за щетиной, усталыми глазами и темными, как ночь, мешками, которые тянут их вниз. Я пригляделся, провёл рукой по щетине, услышал её сухой шелест. Куда же эта красота делась?..

Я дернул ручку и вышел. Под подошвой закрипел песок, и вид ничем не отличался от того, что я увидел в окне. Огромная необъятная пустыня и такое же оранжевое от заката небо. Красиво. До жути красиво, но я ожидал проснуться... Вдох и жар в ноздрях, перемешанный с запахом песка, заставили меня усомниться в вероятности чего-то подобного. Я ущипнул себя – больно. Каждое дуновение ветра ощущалось реальным, песок щипал глаза. Слишком реально. Сливаясь с паникой, рождалась новая, леденящая мысль: а если это не сон? Я отмахнул эту мысль рукой, и решил сфокусироваться на поиске выхода. Я обернулся на комнату, хотел обойти её и осмотреть со всех сторон, вдруг найдётся что интересное, но отпрянул назад на несколько шагов. Комната исчезла! Такая же пустыня с всё тем же красивым безоблачным небом встали предо мною. Может, я перепил? Другого объяснения происходящему я найти не мог.

Внезапно прямо в спину мне ударил резкий порыв ветра, закончившийся сильным ударом чего-то твёрдого по всему телу. Сзади послышались знакомые звуки городской жизни, проносящиеся мимо машины, скрипящие от тормозов шины, оглушительные гудки и миллионы голосов пешеходов, слившихся в один непрерывный гул, особенно выделялись сирены скорой или полиции... От удивления я резко обернулся, потирая спину после удара, и вновь отошел назад на шаг.

– О, Боже... – внезапно вырвалось у меня.

Звуки исчезли, улицы города канули в лету, а огромную пустыню, простирающуюся до горизонта, перекрыло своим видом из ниоткуда возникшее в нескольких десятках шагов от меня здание. Оно выглядело зловеще и странно знакомым. Стены были обшарпаны, некоторые стекла выбиты, создавалось впечатление, что эта высотка давно заброшена. Конца ей не было видно, пик скрылся за белой пеленой. Но при всём этом в её линиях угадывалась прежняя подавленная роскошь.

Некогда дорогой отель.

В окнах я начал замечать изредка выглядывающие темные фигуры. В холле так же начали собираться силуэты. Я слышал, как внутри течет жизнь, как существа в здании ахают и охают, удивляясь чему-то. Хотя поначалу мои волосы намокли и по лбу потекла капелька пота, я всё-таки решил проверить, что внутри происходит. Интуиция подсказывала, что иного выбора у меня нет. Может, это поможет мне выбраться. Я поднялся по лестницам и подошел к дверям, как вдруг всё внутри стихло. Все испарились. «Спокойно, спокойно» проговорил я вслух. В дверях не было ничего особенного. Я подошёл ещё ближе, и они с тяжестью попытались открыться, но без успеха. Остановились на полпути, ознаменовав свой провал посыпавшимся песком. Тогда я решил немного их раздвинуть, но только я до них дотронулся, как мои руки тут же онемели, губы задрожали. Я не хочу внутрь, я передумал. Всё внутри сжалось и подсказывало, что я не готов к тому, что внутри. «Соберись, соберись, тряпка, всё равно сон!» проговорил я быстро шёпотом себе. Вдох, выдох, немного усилий и двери поддались.

Я оказался прав, это какой-то отель. Холл красиво оформлен, чувствовалась свобода и простор, повсюду расставлены различные роскошные вещи декора. Диваны, кресла, столы, на стенах висели телевизоры, экраны которых казались коричневыми из-за собравшейся на

них пыли, повсюду лежали какие-то брошюры и журналы, которые никто никогда не читает. Дальше прямо был лифт, слева от него автомат со снеками. Но только мой взгляд устремился направо, я почувствовал, как воздух застрял у меня в горле и рот от удивления открылся. За стойкой, спиной ко мне, стояла фигура. Знакомый изгиб плеч, широкая и немного сгорбившаяся спина, знакомый пучок волос... Невозможно. Это не могло быть правдой...

Глава 2

Может, мне кажется, может, силуэт просто похож на него? Я робко начал подходить. Шаг за шагом, почти на цыпочках. Кто знает, что у него на уме? А человека будто и не интересовала окружающая его песчаная пустошь, заброшенный отель и незваный гость. Он спокойно стоял и рассматривал часы, которые обычно показывают время Москвы, Нью-Йорка, Лондона и Токио, но эти были не такими... Самые первые часы слева были в форме солнышка, внутри него каждая цифра была разного цвета, а всё остальное пространство занимали различные зверушки либо разноцветные пятна, нарисованные ребёнком. Следующие были самыми обычными, квадратными в серых тонах с римскими цифрами. Я помню такие же в кабинете биологии, часто поглядывал на них, ожидая конца урока. Третьими висели чёрно-золотые от модного бренда, кричащие об успехе и роскоши. Последние выглядели удручающе: стекло разбито, по всему их кругу были видны пятна грязи и пыли, трещины, идущие зигзагами. Стрелка, отвечающая за секунды, была наполовину сломана и тяжело двигалась в попытке отсчитывать время. Остальные часы были остановлены, только эти страдальчески двигались. В этот момент по всему телу пробежала дрожь...

Я приблизился к стойке. Человек по-прежнему не обращал на меня никакого внимания, не замечал. Я боялся начать диалог, слова не лезли из меня, я даже не знал, что ему сказать. Я перестал дышать. Прежде чем выдавить из себя что-то, я несколько раз сглотнул слюну и облизал губы, стараясь даже это делать максимально тихо.

– И-извините... – сказал я робко и стеснительно, из-за чего первые гласные вышли глухими.

Фигура медленно повернулась. Это был он. Точно он. Но как? Я смотрел в его голубые глаза, на его густую ухоженную бороду, немного кривой разбитый нос, густые брови... Все черты были его, я не мог ошибиться! Он даже одет был в свой любимый коричневый бомбер.

Он несколько секунд стоял и молча разглядывал меня с серьёзным видом, потом потянулся правой рукой за затылок и распустил волосы. Странно, ведь, как я считал, с распущенными волосами он был только в ванне и во сне, а всё остальное время пучок не сходил с его головы. Резинку он оставил на правом запястье, а на левом я заметил красный браслет. Тот самый.

Мы молча постояли несколько секунд, глядя друг на друга, жар забежал по всему телу, во рту пересохло, я больше не мог терпеть эту неловкость.

– Ты... Но как?

Он украдкой улыбнулся. Той самой улыбкой, по которой я скучал.

– А кто ещё тут мог быть? Ты ждал кого-то другого? – сказал он, ухмыльнувшись.

– Что за бред? Где мы? Что происходит? – я дёрнул головой в сторону окна.

– А, так ты не знаешь? Ну ничего, скоро поймёшь, – сказал он, всё так же улыбаясь.

– Так ты в курсе?

– Думаю, всё очевидно.

– Нет, ни черта тут не очевидно! Я посреди пустыни в отеле! Я чуть с ума там не сошёл! – вспыхнул я, указывая ладонью за окно, где некогда была комната.

Он взгляделся в мои глаза и сказал:

– Уилл, ты совсем не изменился. После всего, ты так и не изменился. Сколько ещё должно случиться, чтобы до тебя дошло? – спросил он искренне с озабоченностью и некоторым укором в голосе. Я промолчал. Он продолжил. – Ты остался тем же вспыльчивым и глупым болваном. Не пора ли тебе повзрослеть, начать смотреть на вещи по-другому? Ты видишь меня впервые за сколько? Три месяца? И это всё, что ты хочешь мне сказать? Так ты меня встречаешь?

Я не знал, что на это ответить. Мои глаза заслезились. Он был прав. Я вытер слёзы рукой, подошёл ближе к стойке, что разделяла нас и протянул ему руку.

– Карим, прости меня, прости меня... – начал я тяжело, прерывисто. Он ответил на мой жест, хлопок от рукопожатия раздался, казалось, по всей пустыне. Я положил вторую руку на его ладонь.

– Ладно, не сейчас, всё хорошо, надо идти дальше, – сказал он и похлопал меня по плечу, мы отпустили руки. Я впервые вдохнул полной грудью.

Он вышел из-за стойки, что разделяла нас и хотел куда-то пойти, что-то сказать, но я остановил его и перебил.

– Так всё нормально, ты на меня не обижен? – спросил я. Я не знал и не помнил почему, но мне это было важно.

– Обижен, – ответил он, обернувшись и смерив меня холодным взглядом.

– Но...

– Серьёзно, не сейчас, – резко перебил он меня суровым тоном и указал головой в сторону лифта. – Потом обо всём поговорим.

«Ладно...» Подумал я про себя и решил следовать за ним. Несмотря на такое завершение диалога, мне стало легче, окружающий мир уже не казался таким страшным, когда плечом к плечу с тобой идёт лучший друг. И всё-таки я задумался над словами Карима. Почему я повёл себя таким образом? Неужели страх и обстоятельства заставили меня забыть, кому я прежде всего сейчас причиняю боль и что действительно нужно сказать? Ведь я мог быть спокойнее, рассудительнее, я мог не срываться на нём... Разве всё происходящее – его вина? Так легко поддаться эмоциям и вместо хорошей вещи обратить внимание на плохую. Почему такой прекрасный момент воссоединения так легко превратить в глупую ссору? Почему глупую ссору так легко развязать? Странно, раньше я об этом не задумывался...

Мои мысли прервал возникший перед нами странный лифт. Карим тут же нажал на кнопку.

– Он типа работает? – с недоверием взглянул я на него.

– Угу, – коротко промычал Карим.

Ему неприятно, я видел это. Мне опять хотелось извиниться, но я понимал, к какой реакции это приведёт, так что не стал. Ожидая лифт, он отбивал какой-то ритм пальцами по бёдрам. И что удивительно, лифт реально ехал. Откуда-то с вершины шахты нёсся со страшным звуком. Хотя всё указывало на то, что отель заброшен, я решил не обращать внимание на то, что лифт каким-то образом работает. Я решил попытаться смириться с абсурдностью ситуации и довериться Кариму. Он выглядел так, будто знает, что делает. Ну, мне хотелось в это верить.

– Слушай, это точно хорошая идея? – на всякий случай поинтересовался я.

– Не переживай, так надо.

– Допустим... – вздохнул я обречённо.

И вот он приехал. Двери открылись, и из кабинки полилась странная и жуткая какофония звуков... Карим вошёл и жестом пригласил меня. Делать было нечего. Лифт внутри был самым обычным с огромным зеркалом напротив входа, вот только кнопок этажей в нём не было. Он просто помчался куда-то вверх.

– Как это возможно? Как эта штука работает?

– Успокойся, – серьёзно сказал Карим.

– Хорошо, понял, молчу.

Я чувствовал вину перед ним, поэтому не хотел нарываться и спорить, хотя мне до сих пор было интересно, что за чертовщина вокруг происходит, почему я помню свою жизнь какими-то обрывками и почему он так спокойно себя во всём этом ведёт? Очевидно, он что-то знает, но говорить не хочет. Мы проехали ещё несколько секунд и лифт остановился. По времени казалось, что проехали мы приблизительно 15 этажей.

– Ну, что-ж, пошли, – сказал Карим и дверь лифта открылась...

Глава 3

Когда ворота распахнулись, нас встретил коридор. Сначала моё внимание пало на запах. Это был запах кухни бабушки, откуда всегда веяло различного родастряпнёй и всякими продуктами, это был запах конфет и мармелада. После я посмотрел на сам коридор и в его глубь. Все стены были разукрашены в разные цвета и постоянно мелькали разные кривые домики, зверушки, луга и примитивные люди, состоящие преимущественно из палок. Освещения почти не было, максимум на двадцать метров вперёд тускло горели редкие лампы. Я постоял несколько секунд, смотря на это, поправил гитару и пошёл вперёд. Карим пошёл сзади и обратил внимание на мой инструмент. Он поравнялся со мной.

– Как тебе мой подарок? – спросил с энтузиазмом он и кивнул в сторону гитары.

– Твой?

– Да, мой! – махнул он руками в стороны и пожал плечами с тем самым выражением, которое подразумевает «Ты видишь здесь кого-то ещё?».

– Прикольно, наверно... – неуверенно пробормотал я. Мне до сих пор было не до конца ясно, чего он хочет и чего добивается, что скрывает. Он одобрительно кивнул и сосредоточился на пути.

– И всё-таки, где ты её достал? – спросил я.

– Как это? Тут есть всё, что тебе нужно.

– Ага, понятно, – раздражённо ответил я.

Конечно, ничего мне понятно не было, и его поведение выводило меня из себя, но ссориться с единственным компаньоном мне совершенно не хотелось. Тем более, если этот компаньон – Карим.

Когда мы прошли первые лампы, после них загорелись следующие, и я понял, что этот коридор длиннее, чем кажется. Запахи же постепенно менялись, иногда смешиваясь друг с другом. То был запах детских игрушек: плюшевые медведи, пластмассовые солдатики, игрушечные машины, то внезапно мелькал тот самый запах детсада с его столовой и раздевалкой.

Мы прошли ещё несколько минут по экспрессивным коридорам, поворачивая в этих лабиринтах в разные стороны, пока наконец не встретили дверь. Она была коричневого цвета, открывалась ключом и на ней висел первый номер.

– Момент истины. Ты готов? – спросил у меня Карим.

– А что внутри?

Он лишь немного улыбнулся в предвкушении чего-то и резким движением бросил мне ключ. Я поймал его и обернулся обратно к двери. Глаза вцепились в замочную скважину. Что там может быть? Стоит ли ему вообще доверять?

– Ну же, открывай, нет смысла тянуть. Ты никуда отсюда не денешься, тебе придётся зайти и сделать... что нужно.

«Сделать, что нужно». Что он имеет под этим в виду? Ладно, похоже, выбора нет. Я обернулся на него, он кивнул мне в ответ. Я повернулся обратно к двери, еле слышно шёпотом проговорил, что всё будет нормально и вставил ключ. Мои ладони вспотели, на секунду я замешкался, но ключ всё равно повернул. Дверь отворилась.

Внезапно в лицо мне вдарил ослепительный солнечный свет. Я прищурился и зашёл в комнату, пытаясь адаптироваться к такому свечению после той коридорной темноты. Карима же это несильно волновало, он спокойно зашёл и начал бродить по комнате, осматривать всё, что там находилось и всех, кто там присутствовал. Когда я всё-таки простоял несколько секунд с зашуренными глазами и привык ко всем условиям, я в полной мере взглянул на комнату.

Пустота в голове начала заполняться, провалы в памяти – исчезать. Я наконец-то увидел некоторые недостающие детали пазла, но до решения ещё далеко... Это была комната нашей

группы в детском саду. В точности такая, какой я её помню. Слева от входа был квадратный ковёр в виде дороги, огромное количество всяческого игрушечного транспорта и различных средств передвижения, как лодки и самолёты. Чуть дальше были большие кубы, цилиндры, тетраэдры и арки, из которых детишки строили башни. Прямо была комната, куда все шли на сон час. Чуть правее туалет. Справа от входа были расположены стулья и парты, где мы ели и выполняли всякие задания. Подальше в углу было всё необходимое ребёнку. Там лежали письменные принадлежности, куча разных игрушек, начиная с военной техники, настольных игр и заканчивая кукольными домиками.

И именно там мой взгляд и остановился. Я сжал руки в карманах и молча смотрел на двух детишек в белой и оранжевой футболках. Они залезли на стол, где лежали все карандаши, листочки и фломастеры, сели на колени на этом столе прямо перед окном и рисовали что-то на листах, лежащих на подоконнике.

– Что за поза? Можно же было просто на столе рисовать, – усмехнулся Карим.

Я стоял и не мог двинуться. Я не мог поверить в то, что вижу, в то, где оказался. Я пошёл в их сторону. Карим, стоявший сзади меня и наблюдавший за мальчуганами, бросающими человечков с вершины построенной ими башни, вдруг окликнул меня:

– Удивительно, правда?

Я остановился и ответил, продолжая смотреть на тех двух мальчиков у окна:

– Я вспомнил... Я помню это.

– Конечно, помнишь. Если бы забыл, нас бы тут не было.

Я продолжал молча наблюдать за друзьями. В этот момент мне не было сильно интересно, что говорит Карим. Я смотрел на маленького парня в белой футболке, который с улыбкой до ушей пластал что-то на листе, иногда подглядывая к своему другу. Я видел, что он рисовал. И какой же трепет эта картина вызвала у меня в душе. Будто спустя долгие годы ты в старых вещах находишь свой детский рисунок, который тогда скорее бежал показывать всем, кому только можно. Это чувство ностальгии и приятных воспоминаний о прошлом, сливающееся с горьким чувством, что те времена больше не вернуть. Или будто спустя долгое время случайно натыкаешься на свою детскую фотографию. На ней запечатлена та радостная и безобидная душа, тот момент, когда ты был действительно счастлив, полон веселья и мечтаний. И как же горько глядеть в это лицо, понимая, что с его мечтами ты сделал, куда дел ту улыбку и свет в сердце. Тут Карим отвлёк меня:

– Ты хочешь подслушать?

Я кивнул, мы подошли ближе. Только сейчас я заметил, что за окнами ничего не было, оттуда просто шёл солнечный свет. В белой футболке был я, в оранжевой – Карим.

Я помню, как всё было. Как подошёл к нему и увидел, что он начинал рисовать своему человечку гитару, и я ему сказал, что мой на рисунке – тоже звезда сцены. Мы решили сесть у окна и дорисовать наши шедевры. Когда мы закончили, мы показали друг другу результаты. Мой стоял на сцене над толпой, в окружении всех фанатов, в светящейся одежде. Во все стороны светили прожекторы всеми цветами мира, а у каждого в толпе были подняты руки. У Карима он стоял один в комнате с гитарой в руках. Вокруг не было ни души, рядом стояла барабанная установка.

– А где его фанаты? – спросил маленький Уилл.

– Ну, пока их нету... – застенчиво ответил Карим из прошлого.

– Так нарисуй!

– Зачем?

– Потому что он звезда, – серьёзно сказал маленький я.

– И что? Ему просто нравится играть на гитаре, представь, что он круто играет! У твоего даже инструмента нет, что он вообще делает?

– Не знаю...

– Вот именно, он даже непонятно какой жанр любит и что делает, поёт там или играет на чём-то. Может, он вообще музыку не любит? Как он стал звездой?

Маленький я помолчал и подумал. Потом отодвинул свой рисунок и положил зелёный карандаш, которым рисовал прожектор, на стол, около наших ног. А после этого нарисовал простым карандашом рядом с человечком Карима своего с микрофоном.

– Он будет петь под твою гитару, – заключил маленький я с улыбкой.

– А на барабанах кто играть будет?

Я поглядел на установку и сказал:

– Барабаны можно на компьютере написать.

– Так не круто.

После этого мы думали, взять в группу кого-то ещё или оставить барабаны пустыми, я и Карим из настоящего наблюдали за всем с небольшими улыбками, от которых никуда не деться, которые сами появляются на лице, когда смотришь видео с собой маленьким в главной роли.

Как вдруг к нам подошёл другой мальчик, который только что играл с машинками. Это был Макс. Он всегда играл с машинками, они ему сильно нравились. Я его не любил. Он не был изначально в нашей группе, а только перевёлся через какое-то время. Когда все пытались подружиться с ним, спрашивали имя, звали играть, он отказывался, а если соглашался, то играл немножко. Он не делал никому ничего плохого, но после этого я почему-то всегда находил повод всячески насолить ему. То рассказать воспитательнице что-то про него, донести даже самое незначительное, то спровоцировать его на оскорбления и драку. И тут случилось то же самое. Я почти ничего не помнил, но внутри сидело чувство, что Макс был совсем не таким, и относился я к нему по-другому...

Прежде чем Макс подошёл к столу, я заметил, что стою у него на пути. Но это ничего не изменило, он просто прошёл сквозь меня. По всему телу пробежался холод. Когда он взял карандаш, я попытался выхватить его, но всё так же безуспешно, в руке лишь почувствовался небольшой мороз.

– Ещё чего захотел? – с усмешкой сказал Карим.

– Неужели я не могу ничего здесь делать?

– А как ты собрался изменить что-то в прошлом?

– Да, стоило догадаться, что это лишь воспоминание...

– Не «лишь». Посмотри, сколько деталей.

– Я просто хотел спасти паренька от себя.

– Что было, то было, ничего не изменишь.

– Да... – с досадой согласился я.

Когда Макс начал уходить с зелёным карандашом, маленький Уилл окликнул его:

– Эй, это наш карандаш!

Макс вздрогнул и обернулся:

– Почему?

– Потому что мы тут рисуем!

– Но это не ваш стол, и карандаш лежит не на подоконнике вместе со всей кучей...

– И что? Отдай, мы рисовали!

– Возьми новый! – возразил он.

Я ударил его в плечо. Карим соскочил и сказал пострадавшему:

– Прости, возьми наш карандаш, мы себе новый найдём!

– Но Карим... – возразил маленький я.

– Уилл, пусть идёт, мы можем взять другой!

Мальчик ушёл с карандашом, а мне стало стыдно. Карим пошёл взять другой зелёный карандаш со стола, а потом, когда мы снова сели рисовать, сказал, что мне стоит извиниться перед Максом.

– И ведь ты правда извинился на следующий день, а потом... мы же, считай, не разлей вода были. – напомнил мне Карим.

– Да, да, – неловко подтвердил я и направился к выходу. – Пойдём уж... – я не успел договорить. Ручка дёргалась, а дверь не открывалась. Карим спокойно следил за каждым моим действием.

– Раз ты помнишь это, то тебе стыдно и сейчас?

– Ну, может. Что с дверью?

– Нет, мы не уходим. Я же сказал, тебе нужно кое-что сделать, – сказал Карим и смотрел на меня пронзающим взглядом с серьёзным видом. Ни один мускул на его лице не шевелился.

Я чувствовал ещё один взгляд на себе. Я обернулся. Маленький Уилл в белой футболке в недоумении смотрел на себя взрослого.

– Я уверен, ему есть о чём тебя спросить, – продолжал Карим с всё тем же непроницаемым видом. – Подойди к нему, не стесняйся.

Мне не нравилось это. Все звуки резко куда-то пропали, я слышал только собственное частое сердцебиение и чувствовал холод в животе. Я медленно подошёл поближе к самому себе, мы были на расстоянии шага друг от друга, я смотрел на малыша снизу вверх.

– Ну же, начинай говорить, ты уже взрослый, знаешь, что он хочет услышать.

Я посмотрел на Карима. Он стал похож на тёмный силуэт из-за света солнца в окно за его спиной, вся его передняя часть почти превратилась в тень, а из-за спины во все стороны плескали лучи. Но не успел я повернуться обратно, как маленький Уилл начал:

– Это правда я? А что... с нами?

– С нами всё хорошо, ты чего, не переживай! – начал я как можно нежнее говорить, положив руки ему на плечи, и тут же внутренне содрогнулся от фальши в голосе.

– Да? Ты действительно так считаешь? – вклинился Карим и положил мне руку на плечо, слегка надавив. – Давай, скажи ему это в глаза.

Я невольно поддался давлению его руки и аккуратно спустился на колени.

– Скажи, что перестал себя так вести, исправился, что больше никого не обижал и что с Максом всё хорошо, – выпалил Карим.

Я попытался отвести взгляд, но его рука на моём плече была железной.

– Смотри на него, – прошипел Карим. И я смотрел, видел в этих детских глазах не упрёк, а жуткое, бездонное ожидание. Он всё ещё верил, что я его не подведу. И это было невыносимо.

– Я... Я старался... И...

– Да, да, конечно! Вот оно что, ты даже тут не честен с самим собой, – проговорил шёпотом Карим.

– Да, это правда? – отозвался удивлённо маленький Уилл.

Я не мог. Больше не мог. Тело начало вздрагивать, всхлипывать, руки опустились вместе с головой.

– Нет, нет, так не пойдёт. – Карим взял в ладонь мой подбородок и поднял голову к мальчику. – Давай, скажи, что у вас всё хорошо, повтори.

– Прости, пожалуйста, прости... – еле выговорил я сквозь слёзы и всхлипы.

– О, что ты извиняешься? Неужели это всё, что ты можешь ему сказать? Всё, что хочешь ему сказать? Это слишком просто... Этому мальчику мало извинений, ими ты его расстраиваешь и разочаровываешь. – Карим сделал паузу и несколько раз взглянул на мальчика – Тебе нравится расстраивать его?

– Н-нет... – всхлипывал я.

– А разочаровывать?

– Нет... – всё так же жалобно простонал я.

– Тогда пообещай.

– Что?..

- Обещай! – резко будто крикнул он.
- Обещаю! – от испуга ответил я ему в ответ.
- Что ты ему обещаешь? – уже тише сказал Карим.
- Я не буду его разочаровывать и расстраивать!
- А значит, что ты обещаешь сделать?
- Я... Я не знаю...
- Знаешь! Скажи это!

Я не знал, что сказать. Из всего хаоса стыда и слёз всплыло только это – простое, детское, единственно возможное.

– Стать... стать лучше... – выдавил я из себя из последних сил.

– Хорошо, хорошо... – спокойно проговорил Карим и откинул небрежно мою голову своей рукой, поднимаясь. – Уже что-то.

Я так и сидел на коленях, опустив голову в пол, периодически всхлипывая. Комната начала преображаться: обои стали исчезать, перекрашивая стены в серый цвет, все игрушки превращались в пыль и куда-то улетали, а маленький Уилл направился прочь и так же разлетелся по ветру вместе с остальными детьми, превратившись в пыль. От прежней комнаты остались только два окна, пропускающие яркий солнечный свет и Карим, который ходил из стороны в сторону. В левой руке у меня появился зелёный карандаш...

– Сохрани его, – вновь заговорил Карим.

Я сжал карандаш в кулаке, почувствовал его шероховатости и холод, и продолжил сидеть, переваривая случившееся. Почему внутри меня столько стыда и сожалений, как будто я знаю то, чего не помню?..

Глава 4

Пол был пыльным и серым, из звуков только размеренные шаги Карима вокруг комнаты. Я прерывисто дышал и подрагивал, все мысли куда-то улетучились, но голова так и осталась тяжёлой.

– Ну, всё, вечность ты сидеть тут не можешь, – похлопал Карим меня по плечу, привлекая внимание. Он говорил неожиданно спокойно после всего случившегося. Я в недоумении поднял на него взгляд. Он стоял с протянутой рукой, с лицом, которое не было похоже на то, которое я ожидал теперь видеть. Спокойное, может, даже заботливое. Сначала я помотал головой и уже хотел отвернуться, но он настоял и хлопнул меня по плечу ещё раз. Я с сомнением ответил на его жест и встал. Карим положил руку мне на плечо и кивнул в сторону двери.

– Открыта, – отрезал он.

Я несколько раз прошёлся по нему взглядом, прежде чем пойти в сторону выхода. Он пошёл за мной. В мыслях было только одно: что с ним не так? Я не понимал его поведения, я не понимал мотивов его действий, я не понимал, чего он пытается добиться и как ко мне относится. Я взглянул на сжатый у меня в кулаке карандаш, который был тяжёлый, как гантели, из-за всех воспоминаний, что с ним теперь связаны. Внезапно он из моей руки исчез, а когда я снова о нём подумал, то появился. Я провернул то же ещё раз. После этого вопрошающе обернулся на Карима, указав глазами на карандаш. Я увидел его нервное лицо, сверлившее карандаш. Он заметил, как я обернулся, бросил на меня взгляд, мгновенно успокоился и уже спокойно, с улыбкой сказал.

– Тебе стоит лишь подумать, и вуаля.

Ответа он не дождался. И не дождётся. Я отвернулся от него, мыслями убрал карандаш из руки, дёрнул ручку двери и вышел.

На выходе меня встретил всё тот же разноцветный и тускло освещённый коридор, только в этот раз он был в разы короче, и следующая дверь была в десяти метрах от меня. Я решил, что с меня хватит этого места и этого типа, разберусь с этим быстрее, поэтому ускорил шаг в сторону следующей комнаты. Сзади послышался отстающий голос Карима.

– Да? Думаешь поможет?

Я не ответил и продолжил идти. Когда я дошёл до двери и уже хотел её открыть, внутри всё сжалось. В висках застучал пульс, в уши ворвались обрывки голосов, смеха, шума, мышцы всего тела успели тысячи раз устать и тысячи раз восстановиться, будто плёнку жизни прокрутили на бешеной скорости. Рука рефлекторно схватилась за живот, всё тело согнулось.

– Что это было? – задыхаясь, обернулся и спросил я.

– Ты как ребёнок. Тебе была дана возможность прожить все эти моменты вновь, испытать те чувства и эмоции, а ты так же, как в детстве, куда-то торопишься... Подумай, что ты только что сделал, – он кивнул в правую от него сторону, где в углублении стены была ещё одна дверь, только без номера.

Похоже, он был прав, времени у меня полно и торопиться мне некуда. Я двинулся в сторону скрытой двери без номера, и украдкой посмотрел за спину Карима. Куча окон. Я видел, как в них были мои родители, друзья, знакомые локации. Но они закрывались, одно за другим. Я попытался пройти и заглянуть хотя бы в одно, но Карим закрыл мне проход.

– Ты же куда-то торопишься? – на его лице был странный издевательский оскал.

Внутри всё кипело, я чувствовал, как за эти метры, пройденные быстрым шагом, несколько лет моей жизни превратились в какой-то ком из воспоминаний и опыта... Я посмотрел на Карима. На лице всё так же была та ухмылка. Ему нравится?.. Хотя я и был зол, но решил ничего не говорить, было очевидно, что сила и власть в его руках, и я ничего не могу с этим поделать. Он это понимал тоже. Мы простояли так несколько секунд. Не выдержав,

я всё же зашёл в комнату. Это место мне было знакомо. Сразу почувствовался знакомый и приятный аромат дерева и всякого рода материалов и вещей, которые валялись тут. Это была веранда бабушкиного с дедушкой дома. Почему она и что это конкретно за воспоминание? На стенах висел турник и куртки, под столом лежали инструменты и барахло, которое некуда было девать. На противоположной стене висело зеркало, стояли коробки, шкафы со всякой всячиной и несколько деревянных стульев. Тишина. С чем это воспоминание связано? Я обернулся на Карима, который стоял у входа, и провёл глазами вокруг комнаты.

– Расслабься, для чего ещё это место могло тут оказаться?

Точно. Здесь всегда было тихо. Каждая поездка сюда, какие-то бытовые задачи, эта комната всегда будто заставляла меня успокоиться, стены покорно впитывали мои переживания... Я взял один стул и поставил его перед зеркалом, снял чехол с гитарой, сел. Бирюзовый браслет сам попался под руку. Я начал его крутить, растягивать и рассматривать...

– И что дальше? – спросил я.

– Сиди.

– Сколько?

– Пока не будешь готов.

– Да хоть вечность... – выдохнул я. В голосе не было дерзости, только усталость.

– Не выдержишь, – с серьёзным лицом сказал он. Мы помолчали несколько секунд, и Карим встал рядом со мной, посмотрел моему отражению в глаза и спросил. – И как впечатления, Уилл?

– Про что ты?

– Про всё. – Карим провёл глазами и головой вокруг помещения.

Я задумался на несколько секунд и ответил.

– Мне страшно.

– Чего ты боишься? – спросил он, поднимая брови. Я посмотрел на него уже не в отражении, а в жизни. Я пожал плечами. – Я вообще не страшный, – ухмыльнулся Карим.

– Да, а что это тогда было? Что за... фокусы? Зачем ты это делаешь?

– По-твоему, это я всем этим заправляю? – вырвался у него опять смешок.

– Хватит, Карим, я тебя умоляю. Я схожу здесь с ума...

– И ты хочешь обвинить в этом меня? – зашёл он за спинку стула и посмотрел мне в глаза в отражении зеркала. – Всё здесь – твоя вина.

– Как скажешь, – буркнул я, опустив голову.

– Ладно, хватит, что насчёт произошедшего?

– В садике?

– А где ещё?

Я поднял на него глаза. В них было искренне любопытство и интерес, я не заметил в них упрёка. Глубоко вздохнул и решил сказать честно.

– Знаешь... ощущение, что пацан до сих пор у меня в голове, перед глазами. Я не могу избавиться от его вида. Он будто сейчас в зеркале, смотрит. Он не уходит. Он так и продолжает стоять передо мною со своими наивными детскими глазами... В воздухе так и слышится его голос, летает этот дурацкий и несуразный вопрос: «А что с нами?». И знаешь что? Ему хочется плакать. Я чувствую это. Я будто сам сижу с тем же комом в горле, что и у него. И это давит. Очень, сука, давит. Я не хочу, чтобы он видел меня таким, я не хочу, чтобы он смотрел на меня так. Я не хочу, чтобы при взгляде на меня он чувствовал себя так... Я хочу... увидеть там гордость, то самое детское восхищение и благодарность, будто, будто... – я задумался над примером, и продолжил, проглотив всю горечь. – Будто папа только что закинул его к себе на плечи, будто дед помог впервые вытащить рыбу, будто мама опять обняла и простила за что-то... Но мне стыдно и страшно, что я не смогу для него этого сделать. Мне стыдно, что такого

взгляда я ему подарить не смогу. Мне страшно, что такой взгляд я не увижу... Сможет ли он когда-нибудь так посмотреть на меня?

– Не знаю, не знаю... – ответил Карим. Он оттолкнулся от спинки моего стула, чтобы отойти на шаг назад и продолжил. – Не знаю, может, вообще больше его не увидишь никогда. Я бы на его месте не хотел... Не знаю, сможешь ли ты такими темпами что-то изменить... У тебя была вся жизнь, чтобы с гордостью положить ему руку на плечо и сказать: «Мы сделали это», но волновать тебя это начало только сейчас. У тебя было всё время мира... У тебя было всё время мира, а ты просто соврал ему... У тебя всегда было всё. И ты этим не воспользовался. Не пользуешься. Не могу смотреть на это. Так что... Не знаю.

– А что, думаешь, твой бы захотел видеть тебя? – посмотрел я Кариму в глаза в отражении.

– Я это знаю. Я знаю, что он гордится. И я бы дал ему ещё тысячи поводов гордиться и улыбаться...

– Но?

– Но ты.

Я не знал, что ответить на его укоры. Я даже не знаю, из-за чего он мог бы так ко мне относиться, но сомнений не возникало. Я немного помнил о своей жизни и о Кариме, но точно знаю, что всегда считал его достойным другом и товарищем. Я опустил взгляд на собственное отражение, на собственные глаза и начал тихо рассуждать:

– А как, наверное, было грустно родителям... Ведь они всё время видят и наблюдают за тем, что с их ребёнком происходит, как он растёт...

– Интересно, они ещё верят в твои «Всё хорошо»?

И я опять не мог это контролировать: глаза заслезились. Я бросил быстрый взгляд на Карима, оторвался от спинки стула и положил голову в руки на колени. Почему? За что?

– Неужели всё настолько плохо? – спросил я сквозь ладони.

– Что за глупые вопросы, конечно, всё настолько плохо, – сел на корточки Карим, прогневив эти слова. Я не хотел поднимать голову, я не хотел смотреть на него, не хотел опять встретить его осуждающий взгляд, я не хотел вообще ничего видеть. После этого Карим встал, вздохнул и сказал. – Ладно, отдыхай, нам ещё...

Он не договорил, просто опять начал ходить по комнате из стороны в сторону. Я так и сидел, глядя в пол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.